

S T U D I A P H I L O L O G I C A

В. В. Дементьев

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Категория персональности
в лексике и прагматике

ГЛОБАЛ КОМ
МОСКВА 2013

УДК 811.161.1

ББК 81

Д 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Дементьев В. В.

Д 30 Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. — М.: Глобал Ком, 2013. — 336 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0541-3

В монографии исследуется языковая и речевая репрезентация коммуникативных ценностей русской культуры: в лексике, идиоматике, грамматике русского языка, вербальной и невербальной коммуникации, фатике и ее жанрах, речевом этикете.

Данные ценности рассматриваются на широком культурном фоне, в связи с ключевыми идеями русской культуры. Много внимания уделяется категории персональности и обусловленным ею языковым и коммуникативно-речевым явлениям.

Отдельные микроисследования посвящены коммуникативным ценностям в различных сферах современной русской речи.

Для лингвистов, преподавателей и студентов-филологов.

ББК 81

В оформлении переплета использована картина И. Репина «Какой простор!», 1903 г.

Вадим Викторович Дементьев КОММУНИКАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Категория персональности в лексике и прагматике

Художественное оформление переплета С. Жигалкина
Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 21. Тираж 1000 экз. Заказ №
Издательский дом ЯСК, издательство «Глобал Ком». № госрегистрации 5087746245428.
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0541-3

© Глобал Ком, 2013
© В. В. Дементьев, 2013

Оглавление

Введение	7
ГЛАВА I. Коммуникативный концепт и коммуникативная ценность	31
1.1. «Постулаты» и «теоремы» в современной коммуникативистике	31
1.2. Концептуологический подход в лингвокультурологии: ценность в системе смежных понятий	45
1.3. Ценностно-концептуологический подход к изучению коммуникации: культурно поддерживаемые и неподдерживаемые формы коммуникации	56
ГЛАВА II. Ключевые идеи русской коммуникативной культуры	63
2.1. Коммуникативные сценарии русской культуры	63
2.2. Персональность в русском языке и культуре. Оценочная шкала / оппозиция [P] ~ [-P]	83
2.2.1. Оппозиция [P] ~ [-P] и русский новояз («гражданский слог», светская речь, «канцелярит»)	92
2.2.2. Оппозиция [P] ~ [-P] и жаргонно-обсценный «низ» русской речи	106
2.3. <i>Разговор по душам</i> как коммуникативная проекция концептов <i>дружба, правда, душа</i>	115
2.4. <i>Разговор по душам</i> и <i>светская беседа</i> как два коммуникативных идеала	131
2.5. «Задушевность» vs. «светскость» vs. «гламурность» в современной русской прессе	160
2.5.1. <i>По душам</i> в современной русской прессе	161
2.5.2. <i>Светский</i> в современных контекстах	170
2.5.3. <i>Гламурность</i> как новая <i>светскость</i> ?	171

ГЛАВА III. Коммуникативные ценности в русском языке ..	190
3.1. Категоризация коммуникативных идей в русской лексике и идиоматике	190
3.2. Оппозиция [P] ~ [-P] в лексике: <i>киллер vs. убийца,</i> <i>мастер vs. профессионал</i> и др. персонально релевантные лексические оппозиции	209
ГЛАВА IV. Коммуникативные ценности в русской речевой системе	221
4.0. Постановка проблемы: место коммуникативной ценности в параметризации речи	221
4.1. Ценности русской фатической и информативной коммуникации: относительность победы информатики над фатикой и унисона над диссонансом	226
4.2. Этикет и непрямая коммуникация / косвенность в русской речи: маргинальность косвенных директивов и пиррова победа манипуляций	237
4.3. Фатическая центробежность	256
4.4. Национально обусловленные аномалии общения	264
Заключение	270
Список использованных сокращений	276
Библиография	277
Предметный указатель	302
Указатель лексем	316
Указатель речевых единиц	324
Указатель имен	330

Введение

Коммуникативные ценности существуют в любой национальной культуре, но, по нашему мнению, именно в русской культуре их значение, по сравнению с другими культурными ценностями, особенно велико.

Русская культура в высокой степени коммуникативна. Этим определялись и определяются нормы общежития: наличие *разных* (многих) восточнославянских племен, огромная территория расселения наших предков с множеством *разных* местных народов и культур обусловили формирование таких качеств русского национального характера, как, с одной стороны, способность находить общий язык с представителями иных культур, с другой – учиться у них. Не будет преувеличением сказать, что под знаком обостренной коммуникативности прошла вся история русской культуры, в частности, отношения с западными культурами, вызвавшие к жизни целый ряд значимых аспектов русской коммуникации, особенно в высоких сферах – философии, науки, искусства, литературы.

Обращает на себя внимание очень большая **ценность** коммуникации в целом, *общения* – больше, чем во многих других культурах, высокая коммуникативность очень многих (если не всех) ключевых концептов русской культуры – *душа, правда, справедливость, искренность*.

Многие исследователи ключевых идей русской языковой картины мира выделяют, наряду с традиционным представлением о широте и щедрости русской души, особую *теплоту и интимность*, «*родственность*» *отношений с людьми*, которая распространяется в равной степени на «*своих*» и «*чужих*», «*служит образцом доброго отношения к людям вообще*» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 246].

Специфику русской коммуникации обуславливает связь многих собственно коммуникативных моментов с **нравственными** категориями, оценками, оценочной деятельностью.

Отмечалось, что исторической основой «практической нравственности» русского человека было православие с его бескомпромиссной позицией в отношении духовной жизни, поляризацией добра и зла и отсутствием «срединности», «нравственных пустот», направленностью на внутреннее самосовершенствование как основание идеи бессмертия души и вечной жизни. Религия стала «детерминирующим началом для менталитета» [Емельянов 2003: 52], определяя стремление русского человека выверять свои поступки в соответствии с нравственным законом, его внемлемость голосу совести и нравственному долгу. Этот закон оставался главенствующим и в общественно-экономической деятельности, что обозначило ее подчиненное место в ценностной системе русских [Громыко 2000; Кузьменкова 2005; Шалина 2010].

В работах А. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Бердяева отмечалось, что исторически сложившимися характеристиками русского этноса являются отрицание pragматической предприимчивости, расчета, коммерческой хватки, враждебное отношение к практицизму и позитивизму. Например: «Жизнь по сердцу создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условности, без внешней привитой вежливости» [Лосский 1991: 292]. Ср. рассуждения Н.А. Бердяева о русской ментальности и общении: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла, <...> умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» [Бердяев 1998: 176].

Языковое выражение «русской этики», то есть морально-ценностных категорий в структуре общей языковой оценочной картины мира, неоднократно становилось объектом внимания лингвистов [Апресян 1995; Арутюнова 1999; Воробьев 1997; Зализняк, Шмелев, Левонтина 2005; Колесов 1991; Логический анализ языка 2000; Маслова 2001; 2011; Степанов 1997; Уфимцева 1998; Шпет 1996]. Ср. составленный Н.В. Орловой «этический словарь» из лексем современного русского языка, содержащих этическую оценку (объектом положительной / отрицательной этической оценки может выступать сам человек или другие люди, их личностные качества, отношение к дружбе, Богу, труду, делу, материальным благам, трудностям, правде и свободе, сексу; умение / неумение быть искренним, естественным; наличие / отсутствие стыда, совести, внутреннего содержания, духовного нача-

ла, убеждений и др.): *скупец, наглый, издеваться, кровопийца, подруга, хвастун, возгордиться, богохульник, паясничать, подлиза, шлюха, терпеливый, трудяга, халтурить, жульничать, покладистый, прощелыга* и др. [Орлова 2006: 259-260].

Одним из наиболее яких, обращающих на себя внимание качеств русского национального характера является четкое представление о коммуникации в высшей, которая неразрывно связана с наиболее высокими нравственными идеями, такими как достойная жизненная позиция, цель жизни, и одновременно является очень интимной, почти бытовой. Эта содержательная, эмоциональная и нравственная кульминация русской коммуникации может быть определена как *открытие души*. Русская *душа* тоже есть и высокое нравственное понятие, и одновременно очень личное, интимное, как было показано в целом ряде работ по русской семантике [Арутюнова 1999; Булыгина, Шмелев 1997; Степанов 1997; Шмелев 2002]. Соответственно *открытие души* тоже входит в сферу конкретных, непосредственных коммуникативных установок (готовность к *открытию души*, более того – горячее желание, чтобы это произошло, является одним из ключевых качеств русского национального характера) и одновременно постоянных нравственных характеристик личности (способность *открыть душу* – одно из наиболее высоких нравственных требований, предъявляемых к человеку).

Во многом «очень коммуникативно-русское» звучание присущее идеям великого русского мыслителя М.М. Бахтина, существенно обогатившего мировую теорию диалога, создавшего теорию полифонического романа (работая над ней, он ориентировался на тексты другого русского национального гения – Ф.М. Достоевского) и теорию речевых жанров (работая над ней, он ориентировался на доминанты русского *разговора по душам*, как мы покажем ниже). Не случайно прежде всего в русской культуре, по мнению Бахтина, человека можно «раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически. <...> Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого» [Бахтин 1963: 338].

«В русской культуре идеал “правды” связан с положительной оценкой того, чтобы говорить другим людям, что у тебя *на душе* и что

ты на самом деле думаешь, – пишет А. Вежбицкая. – Идея о том, чтобы “открыть себя” для другого человека, а тем более, чтобы “раскрыть другого человека”, идет гораздо дальше, чем значение английского слова *dialogue* и чем нормальные ожидания и нормы, связанные с современным английским языком» [Вежбицкая 2002: 29].

«Общаться по-русски значит что-то вроде ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта с этим человеком’, – добавляют Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев. – Слово *общаться* содержит, кроме того, положительно оцениваемую идею непрактичности, бесцельности этого занятия и получаемых от него удовольствия или радости, ср. *радость общения; ты получиши большое удовольствие от общения с ними и т. п.*» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 280-281].

М.С. Уваров высказывает предположение, что исповедь лежит в основе текстов православной культуры, а проповедь – католической. Для православной культуры исповедальность, граничащая с покаянием, является абсолютной ценностью. Исповедальность в русской культуре (в том числе в литературе) имеет прямое отношение к смыслу жизни, тогда как проповедь, предполагающая значительно большую формализованность и контроль над своим поведением, хотя и пересекается с исповедью (в католической культуре она неотличима от нее), но воспринимается как слишком узкая и вторичная: «Традиция, воплощенная в образах Зосимовой и Оптины пустыни, или же легендарное молчальничество Андрея Рублева во многом чужды прямолинейной проповедальности, а сам символ проповеди – при всем его значении для русской культуры – все же оказывается несколько сглаженным, вторичным» [Уваров 1992: 7].

Этой обостренной коммуникативностью, исповедальностью – в высшем, сакральном, смысле – объясняется кажущаяся почти невероятной представителям многих других культур терпимость к соседу, партнеру, собеседнику, осознание необходимости понимания его и своих различий – и смиренная готовность к тому, что путь к пониманию будет трудным, что полного понимания может не быть (как может не быть окончательной истины в постижении мира в целом и отдельных его частей), соответственно готовность принять свое несовершенство и даже неправоту.

Кроме того, специфика русской коммуникации в значительной степени проистекает из **оппозитивности** русской культуры,